

АВГУСТ

26

СУББОТА

1939 год

№ 47 (826)

Цена 30 коп.

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,  
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,  
Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН  
ПРАВЛЕНИЯ  
СОЮЗА  
СОВЕТСКИХ  
ПИСАТЕЛЕЙ  
СССР

## ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Прошло уже более пяти лет, как были опубликованы «Замечания по поводу концепции учебника по «Истории СССР» и «Замечания о концепции учебника «Новая история» товарищей Сталина, Жданова, Кирова.

Вместе с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах СССР (от 16 мая 1934 г.) замечания секретаря Центрального Комитета партии положили начало новому периоду в развитии советской исторической мысли. Грубая схематика, преображение в исторических фактах в деятельности, бесплодное социологизирование — вся эта антимарксистская ересь концепции Покровского, которая привнесла немало вреда исторической науке и преподаванию истории в школе, сразу потеснила всяческую почву под ногами.

Замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова воочию показали, какое громадное значение партия придает правильному, т. е. объективно-научному революционному освещению истории.

История для нас — это живая наука о трудном, но единственно возможном пути, по которому идет человечество через все испытания, войны, кровавые бескровные битвы общественных классов к победе коммунизма. Эта наука вооружает нас опытом классовой борьбы и труда, послужила делу победы и укреплению социализма в СССР.

Эту национальную гордость имел в виду Ленин, когда писал свою гениальную статью «О национальной гордости народа», изложив в ней историческую науку, в основе которой лежала идея марксизма-ленинизма.

Партия решительно отбросила вредный тезис Покровского о том, что история есть «политика, опрокинутая в прошлое».

Правильная политика нуждается в правдивом историческом анализе. Потребности большевистской партии всегда и во всем может отвечать только объективная историческая истинка. Марксизм-ленинизм не допускает произвольного исказления исторических фактов даже в том случае, если это исказение преподносится под видом революционным лозунгом приспособления прошлого к нашим сегодняшним потребностям.

Но полный марксистско-ленинский исторический анализ не только не отрицает, а, наоборот, предполагает оценку реальных объективных фактов прошлого с исторической вышки познаний революционного опыта, с точки зрения общего хода в школе классовой борьбы пролетариата. Современность есть путь истории, и победа социализма в нашей стране — путь всего прецедентного исторического развития, закономерный результат ширеящегося классовых битв.

Блестящие примеры марксистско-ленинского анализа фактов истории в свете современности, т. е. в свете победившего в нашей стране социализма, дают замечания товарищей Сталина, Жданова и Кирова по поводу концепции учебника истории СССР.

«В концепте не даны условия и историко-национально-освободительного движения покоренных народов России, — говорится в замечаниях, — и, таким образом, Октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированными остаются создание Союза ССР».

«В концепте не учтено наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной, выразившегося, между прочим, в упадке буржуазной демократии в наших странах, а также того факта, что вспыхнувшая в конце XIX века моногородская война, встретившись с этим объективным взаимным анализом фактов истории в свете последней революционной опыта».

Марксистско-ленинский подход к истории является в наши дни единственно научным. Было время, когда научная мысль буржуазных классов сделала очень много для объективного освещения истории человечества. Достаточно вспомнить о том, что воспитание мнимых (или даже действительных) подвигов Кузьмы Брюкова в период империалистической войны служило в руках буржуазной и монархической прессы средством обмана широких масс трудающихся в понимании истинного содержания и целей грабительской войны.

Известно, что воспитание мнимых (или даже действительных) подвигов Кузьмы Брюкова в период империалистической войны служило в руках буржуазной и монархической прессы средством обмана широких масс трудающихся в понимании истинного содержания и целей грабительской войны.

Что, кроме активного отпора, может вызывать в нас термин «кузьмакрюковщина» в применении к произведениям о героях прошлом нашего великого народа, который на деле построил свое социалистическое государство и являет подлинные чудеса геройства в труде и на полях боя, отстаивая социалистическое отечество?

Разумеется, критика национальная должна впервые разоблачать все и всяческие попытки исказения истории, псевдоисторическую мазни, сусальницу, аnekdoty, приспособленчества в области исторической тематики, приспособленчества, в котором всегда можно прощупать шовинистические волны. Разумеется, ни один из наших писателей и деятелей искусства, работающих на исторические темы, не может и не должен быть застрахован от критики и недостатков его произведений.

Но нужно видеть, что враги народа пытаются дискредитировать талантливые произведения о героях прошлом нашего народа, стремясь прежде всего подорвать советский патриотизм. Надо уметь различать эти враждебные голоса, как бы и чем они ни маскировались, и во-время защищать им отпор.

Произведения на исторические темы не являются каким-то особым жанром, отдельным от всего остального искусства. Требование правды, прилагаемое к роману из современной жизни, пешком приложим и к роману историческому. Здесь, как и в других областях искусства, наша программа является социалистический реализм.

Советские писатели должны стоять на уровне передового марксистско-ленинского исторической мысли и уметь критически использовать лучшие традиции классического исторического романа, чтобы поднять советский исторический роман на еще более высокую ступень.

НА ВСЕСОЮЗНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ВЫСТАВКЕ

## ШКОЛА ПИСАТЕЛЯ

БЕЛА БАЛАШ

Эта выставка — школа для писателей потому что она показывает людей.

Я был на многих выставках, но не видел ни одной, даже художественной, которая была бы таким триумфом человеческой личности, как эта.

Мне кажется, это следует особенно отметить, так как в странах капиталистического Запада единственной основой человеческой индивидуальности принято считать частную собственность и притягивать опасения по поводу якобы «обезличивающего» влияния социализма, особенно с тех пор, как в Советском Союзе крестьяне обединились в колхозы, чтобы общими усилиями обрабатывать общую землю. Но странное дело: в Советской стране как будто лицо горнорабочего Стаханова! Улыбка простой крестьянки Марии Лемченко хорошо известна всему народу, который знает гораздо больше о личной частной жизни многих одноденесовиков, машинистов, литецчиков, комбайнеров, чем о жизни знаменитых «звезд» театра и кино. И произведения их труда снабжены их портретами, так же как произведения знаменитых писателей.

Сбылись сталинские слова: труд сделан делом чести, делом славы, делом доблести и геройства».

Хотелось бы остановиться подробней на некоторых впечатлениях. Начну с конца, по последнему, что я увидел, как бы раскрыло предо мной весь смысл и значение этого грандиозного зрелища.

Вечером, перед уходом с выставки, бросив прощальный взгляд на «аллею светящихся колонн», я увидел там несколько групп колхозников. Они стояли в цепи — не на эстраде, не для того, чтобы продемонстрировать свое искусство. Это пельмальные посетители выставки, собирающиеся в сумерках на дороге, пели от переполнения их радости после всего, что они видели, пели от благодарности и счастья.

Там были крестьяне из Средней Азии, с Дальнего Востока, из Киргизии, Татарии, Узбекистана, люди непосредственные, привыкшие более открыто выражать свои чувства чем жители Запада. На этой выставке они жилили себя как бы за пределами стыдливости и поняли, чем они были и чем стыдались.

Они стояли в своих национальных одеждах, залитые осенними электрическим светом. И эти азиатские костюмы кочевых времен не казались здесь парадом, так же как могли самолетов и огромные посетители выставки, собравшиеся в сумерках на дороге, пели от переполнения их радости после всего, что они видели, пели от благодарности и счастья.

Книжные киоски имеются, конечно, в каждом павильоне. Они заняты очень несложными брошюрами и руководствами по всем вопросам сельского хозяйства. Трудно представить себе более требовательную публику, чем колхозники. Они хотят знать все. Они распрашивали обо всем. Выставка обслуживает три с половиной тысячи прошедших специальную подготовку экскурсоводов. И на долю каждого из них приходится сорок пять человек.

Выставка — это настоящий университет.

Колхозники задают вопросы и делают памятки. Потом посыпаются к книжным киоскам, где получают дополнительные разъяснения у специалистов.

Выставка — это настоящий университет. Ежедневно сюда приходят учиться 45 тысяч колхозников. Они учатся с помощью различных речей.

При виде стендов, на которых растут два пшеничных колоса, крестьяне педоверчно кидаются головой. Они пересматриваются и стараются рассказать: нет ли тут обмана.

Но, удивившись, что колос действительно показывается, они считают обязательным для себя. В полном смысле этого слова. И видят, как две группы колхозников встречаются у одного стендса с каким-то замечательным сортом кукурузы. То были крестьяне из двух разных частей страны.

В будущем году такая кукуруза будет и у нас — крикнули один из колхозников, обращаясь к другой группе.

Люди с удовольствием смотрят друг на друга. Одолеем ли мы такую штуку? Ибо все, что здесь демонстрируется, они считают обязательным для себя. В полном смысле этого слова. И видят, как две группы колхозников встречаются у одного стендса с каким-то замечательным сортом кукурузы. То были крестьяне из двух разных частей страны.

В будущем году такая кукуруза будет и у нас — крикнули один из колхозников, обращаясь к другой группе.

И тут же, к книжному киоску, составляется и подписывается договор социалистического соревнования между двумя колхозами, находящимися в разных частях страны, но принадлежащими к одному великому союзу народов.

— Вот видишь!

— А эти чьи будут? — спросил друг.

— Ого! — улыбка пробежала по всем лицам.

— Вот видишь!

— А эти чьи будут? — спросил друг.

— Ого! — улыбка пробежала по всем лицам.

На открытии присутствовали гости с Всесоюзной выставки культуры и спорта. Она ярко плюстрирует этапы жизни, творчества и революционной деятельности величайшего писателя. Интересным дополнением

## Филиал музея А. М. Горького в Пушкинском парке

В Пушкинском парке культуры и отдыха им. Лазаринского, в зоне отдыха Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, открылась выставка «Жизнь и творчество А. М. Горького».

Выставка эта, созданная музеем А. М. Горького, занимает целый павильон в летнем парке парка и построена в западном стиле на оригинальных художественных и документальных материалах.

На открытии присутствовали гости с Всесоюзной сельскохозяйственной выставки — делегаты Узбекистана, Татарии и других республик.

## УКАЗ

### ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

### о СОЗЫВЕ ЧЕТВЕРТОЙ СЕССИИ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

Созвать внеочередную Четвертую сессию Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик 28 августа с. г. в гор. Москве.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН.

Москва, Кремль, 24 августа 1939 г.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ.

23-го августа в 3 часа 30 мин. дня состоялась первая беседа председателя Совнаркома и Наркоминдела СССР тов. Молотова с министром иностранных дел Германии г. фон-Риббентропом по вопросу о заключении пакта о ненападении. Беседа происходила в присутствии тов. Сталина и германского посла г. Шулленбурга и продолжалась около 3-х часов. После перерыва в 10 часов вечера беседа была возобновлена и закончилась подписание договора о ненападении, текст которого приводится ниже.

## ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Правительство СССР и Правительство Германии Руководимые желанием укрепления мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

### Статья I.

Об Договаривающихся Сторона обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга.

### Статья II.

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

### Статья III.

Правительства обоих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультаций, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

### Статья IV.

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

### Статья V.

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами из вопросов того или иного рода, обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

### Статья VI.

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

### Статья VII.

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве, 23 августа 1939 года.

По уполномочию

Правительства СССР

Б. МОЛОТОВ.

За Правительство

</

# Лу Сюнь и русская литература

Великий китайский писатель Лу Сюнь, основоположник новой китайской литературы, был ревностным пропагандистом русской культуры в Китае.

До последней поры своей жизни Лу Сюнь не переставал переводить русскую литературу на китайский язык. Не только в этом сказываются тесные связи многостороннего творчества Лу Сюня с русской литературой. Связи эти значительно глубже. Русская литература, которую он знал со всех сторон, оказала глубокое влияние на все творчество Лу Сюня.

Лу Сюнь не знал русского языка. Как мы говорили его близкие друзья — литераторный критик Ху Фын, писательница Сю Хун — автор известной повести «Поле жизни и смерти», алфавитический японский писатель Ватару Каси, его заветной мечтой было научиться читать произведения Максима Горького в оригинале. Крупный лингвист, Лу Сюнь, несколько раз принимался изучать русский язык, но тяжелая жизнь китайского литерата и кипучая деятельность борца не давали ему возможности заниматься регулярно. Впервые Лу Сюнь познакомился с русской литературой по японским переводам. Он блестяще знал японский и даже писал новеллы и стихи по-японски. Свои переводы на китайский язык он делал с японского, тощего языка, проверяя их по английским и немецким переводам. Вличной библиотеке Лу Сюня одна и те же произведения русских писателей можно найти на многих языках мира.

Лу Сюнь был большим знатоком произведений Льва Толстого, но его литературные симпатии безраздельно принадлежали Гоголю, Чехову и Горькому. Взгляды Лу Сюня-публициста развились под влиянием русских марксистов (В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, Горького и А. В. Луначарского)\*.

Когда Лу Сюнь вернулся из Японии, где он долг жил, на родину, в Китае были в моде Леонид Андреев и Аркадий Павлов. К этому времени относятся переводы Лу Сюня на Леонида Андреева, Аркадия Гарина, Чиркова, Чехова и Горького. Однако вскоре его литературные интересы ярко сказываются с Чеховым и Горьким.

Можно смело сказать что во многом благодаря Лу Сюню Максим Горький стал одним из самых популярных иностранных писателей в Китае. В предисловии к сборнику переведенных им «Русских сказок» Горького Лу Сюнь писал: «Горький — это

\* Лу Сюнь перевел на китайский язык Г. В. Плеханова — «Об искусстве», А. В. Луначарского — «Об искусстве», статьи Льва Толстого — «Лев Толстой», Чехов и новое искусство и др.

Влияние Чехова на Лу Сюня сказалось в раннюю пору его творчества и ограничилось вспышкой литературной формой. Влияние Горького проявилось в более зрелые годы. Лу Сюнь и целиком захватил этого непреклонного мастера новой китайской литературы и стойкого борца за единий национальный фронт.

Первым «Мертвых душ» на китайский язык, сделанным Лу Сюнем, по ее день пользовалась большим успехом у китайского читателя. Лу Сюнь сумел передать китайскому читателю картину крестьянского быта России так выразительно и правильно, что китайский читатель «Мертвых душ» по-китайски, находясь во всех этих, для нас покрытых пылью истории Чигановых, Плюшкиных, Коробочких, Позиревых и Маниловых, знакомые лица из Федорово-помещичьей китайской действительности.

Внимание Лу Сюня привлекал также великий русский сатирик Салтыков-Щедрин. Лу Сюнь перевел на китайский язык отрывки из «Истории одного города», но Лу Сюнь не смог так глубоко понять и разуметь сатирику Салтыкова-Щедрина, как понял юмор Горького.

Вождь компартии Китая тов. Мао Цзедун, в речи на собрании, посвященном годовщине смерти Лу Сюня, предельно четко обрисовал революционное значение его творчества. «Он вел борьбу», — говорит тов. Мао Цзедун, — против феодальных и империалистических сил последовательно и без колебаний. Лу Сюнь показывал феодальное общество в процессе крушения, он бичевал пороки общественной системы и гнетущие силы империализма. Он раскрыл темные сплы разрывы первом своего ямбом. Он был блестящий художник слова». Среди переведенных Лу Сюнем на китайский язык книг советских писателей отметим: А. Яковлев — «Октябрь», А. Неверов — «Хочу жить», Л. Сейфуллина — «Перегной», Н. Липко — «Железная типография», А. Фалеев — «Разгром» и др. Кроме того, он переводил отдельные произведения Д. Фурманова, К. Фединя, М. Зощенко, В. Линина, И. Пантелеева и др.

Лу Сюнь писал небольшие статьи о советских писателях. Высказывания его о советской литературе очень интересны, но, к сожалению, они не все собраны и мало известны. Лу Сюнь вынужден был писать под псевдонимами, и пока установлено только известных 77 его псевдонимов. Большинство его высказываний о советской литературе скрыто за этими известными и неизвестными псевдонимами.

Все переведено и прогрессивное было близким, родным великому китайскому писателю Лу Сюнию.

«Мы вспоминаем о нем, — говорит тов. Мао Цзедун, — не только потому, что Лу Сюнь был прекрасным писателем и выдающимся литератором, но также потому, что он принадлежал к авангарду движущемуся за национальное освобождение и отдавал все свои силы революционной борьбе».

г. Куньминь, Юньнань.



Рисунки Генриха Цилле. Слева — «Фрау Фидлер»; справа — «Бездомные».

## Генрих Цилле

1858 — 1929

Десять лет назад умер Генрих Цилле, большой художник, любимец трудового Берлина. Рабочие любили в нем *своего* художника, умевшего, как никто другой, правдиво и ярко изображать их радости и горести.

Генрих Цилле, как они его называли, прежде чем стать художником, сам был рабочим, но и достаточно известности, сохранил прочную связь с трудовым людом.

Дед Цилле был рудокопом. Отец художника, временноший ремесло кузена на профессии золотых дел мастером, стал частым обитателем тюрем для неисправных должников. У Генриха Цилле было тяжелое детство. Отец его бежал от своих кредиторов в Данию. Вместе с матерью и сестрами он ютился на Андерсентрасе в Берлине, в коммунах, все убраставшиеся коттеджами, где избы и сараи, скамьи, чайка без ручки и сундук, служивший также столом.

«Через много лет я пришел поглядеть на письмо старой жилище, — рассказывает Цилле, — но застыл вперешатыльстве на пороге. Мне казалось, что оттуда сквозит какой-то зверь и паччет меня пучиной. Жуткое чувство охватывает вас при виде этих голых, опущенных стендов, к которым прикованы воспоминания тех, кто на них покрыт пылью истории. Чигановых, Плюшкиных, Коробочких. Позиревых и Маниловых: знакомые лица из Федорово-помещичьей китайской действительности.

Внимание Лу Сюня привлекал также великий русский сатирик Салтыков-Щедрин. Лу Сюнь перевел на китайский язык отрывки из «Истории одного города», но Лу Сюнь не смог так глубоко понять и разуметь сатирику Салтыкова-Щедрина, как понял юмор Горького.

Генрих помогал матери мастерить и пропагандировать матерчатых пупилей, ежей для вытирания ногтей, щетки для вытирания членов, письма для письменной корреспонденции, но несмотря на все усилия, семья часто сидела без хлеба.

«Когда теперь я смотрю на подобные вещицы, я всегда лумлю об исключительных и мрачных трубах, откуда все плюется на меня с потростоков получила в его рисунках необычайно яркое и законченное выражение».

Составивший художником, он остался тем, чем всегда был: честным рабочим. Поэтому он и стал художником народных масс Берлина. 65 лет, в 1923 году, он пришел к коммунизму.

Как художник, он стремился создать нечто цельное, и это ему удалось.

«Мне не хотелось вечно корпеть в мастерской над одной и той же частичной работой, все равно как та рабочие, что всю жизнь делают деревянные ручки или зачищают гайки или, скажем, снимают литеинные швы. Нет, это было не по мне.

Еще будучи мальчишкой-разночинцем, он смотрел на мир широким раскрытым глазами. Семнадцать лет он вступает в социалистическую партию. Он становится рабочим-политиком и принимает деятельное участие в усовершенствовании типографского искусства, фотографии, глубокой печати и фотографии. И в конце концов его, пятидесятилетнего рабочего, простиравшего тридцать лет на предприятии, выбрасывают вместе с другими рабочими на улицу, чтобы заменить их более молодой и дешевой рабочей силой.

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

«Когда я вошел в лета», — шепнул Цилле, — меня уволили. Управляющий, сообщив мне, что в втулке реорганизации предприятия я подлежу сокращению, любезно разяснил, что администрация против меня ничего не имеет и что он лично тут не при чем. Потом он

сказал:

# ПЕРСОНАЖИ ШОЛОХОВА

У Шолохова есть свой критерий качества человеческой устремленности: любовь человека к жизни и ко всему живому. Это качество проявляется в отношении человека к труду, к окружающим людям, к семье, в язмах, в природе, к животным. И читателю предоставается судить о человеке по тому, как Шолохов изображает его во всех этих конкретных проявлениях.

Если при обрисовке одних персонажей он считает возможным ограничиться разными, лаконичными и выразительными характеристиками (так, например, всегда лишь в нескольких эпизодах перед вами встает во весь рост хищная, кулацкая-эгоистическая и человеконенавистническая фигура Митяка Коршунова), то людей, которых он ставит в центр повествования и в которых он хочет вызвать внимание и любовь, как к полилитым людям (Григорий, Пантелей Прокофьевич, Ильиниша, Аксинья, Мишка Кошевый), он изображает, раскрывая их характер постепенно и изображая их в их внешних действиях и сценах за их думками и переживаниями.

Он не скрывает их недостатков и неблагородных поступков. Но от того, что каждый из этих недостатков или поступков вытекает из ряда сложных причин, обусловивших характер героя и поведения его в данный момент, вы воспринимаете человека не как субъективное вместилище достоинств или недостатков, а во всей его противоречивости, соответствующей жизни на правде.

И если в этом человеке заложено человеческое, то, подлинно человеческое, о котором так часто говорят Григорий, если вы опищете в нем стремление к подлинной справедливости и любви к жизни, то вы принимаете этого человека таким, как он есть, со всеми его противоречиями. Чувствуя, что в этом человеке доминирует, чувствуя, как эти противоречия будут разрешены, вы вместе с автором тоже начинаете этого человека любить и волноваться за него.

Вот перед вами Григорий. Вы никак не сможете всплыть его в классификаторскую клетку «положительного» или «отрицательного» героя. Шолохов заставляет вас глубже вглядеться в этого человека, познать противоречие между его подлинным положением человека труда и его ложным положением в стане эксплуататоров, между его внутренними стремлениями и побуждениями и его внешними действиями. Драматизм этого положения, трагизм и мучительность поисков и ошибок Григория на пути к революционной правде вызывают в советском читателе сопущение потому, что они отражают объективное противоречие, которое было характерно именно для трудающегося класса, сельбы и мучительный путь которого в первые годы революции изображен Шолохов в своем романе.

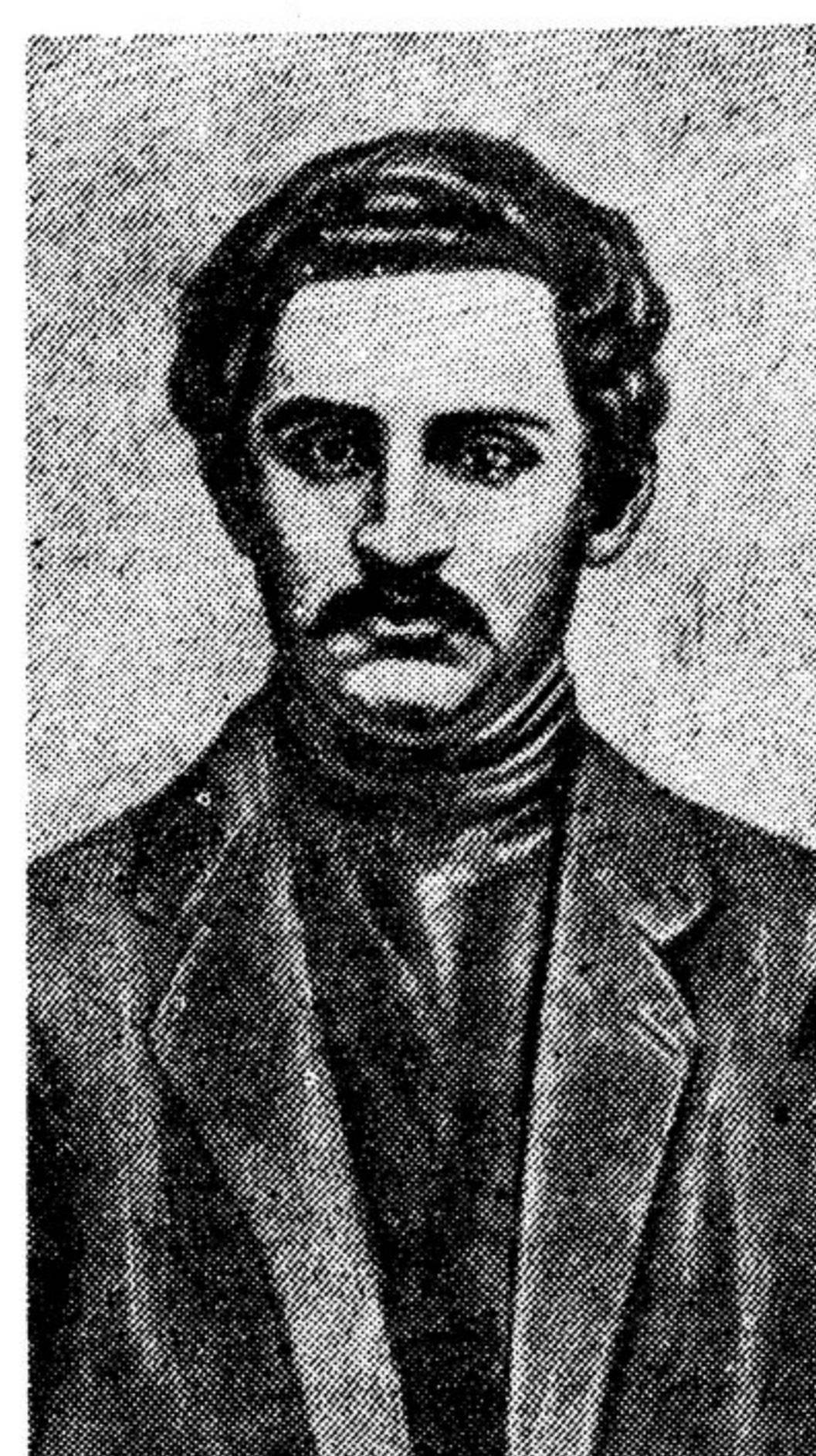
Вопрос о развитии характеров приобретает в «Тихом Доне» особый интерес не только потому, что он иллюстрирует мастерство и стиль Шолохова, но и потому, что речь идет об изображении крестьян.

О крестьянах было написано немало произведений и в русской и в западной литературе. Но, не боясь упреков в преувеличении, можно сказать, что в «Тихом Доне» впервые в истории мировой литературы изображение крестьянина, его жизни, борьбы, психологии поднялось до уровня классического изображения типов так называемых культурных классов.

Добродушных когда-то это издавалась на чужими народной жизни писателями, которые, не зная условий жизни народа, не сумели проникнуть в его психологию, пытались изобразить «простолюдинов», крестьянина. В результате крестьянству или назывались уточченные искаженные сюжеты, чувства и мысли, которые ему вовсе не были свойственные, или же усиленно подчеркивалось, что они «находятся в первобытной непосредственности», и этот примитивизм и бракс за основу создания образов крестьян.

А. ГУРШТЕЙН

# Ошер Шварцман



С необычной, эллинистической «золотой игрой» в сердце. Шварцман создал прекрасный гимн молодости:

«Молодость, молодость! — Как играющая волна, как слеза переполненной радости твоя поступь, твоя молодая радость. Как по весне бересы склоняются к сучкам коры, и чист и нечист (зато прямо с дерева), и терпкотав (на вкус таков уж он). — Но от него пахнет зеленым клем почки. У плотины криком шумит радость, и солнце, и мир, и я в этом мире...»

«Перея сильной бурей притягались в ожиланы и лес и поле... По ветвям пробегают ветерок и шепчет: вот сейчас, вот сейчас...»

Взволнованном ожиланом грозой несле поэт видит «столько изумительных мир», а сердце полно «воли к действию и жизни...»

Шварцман пришел в еврейскую поэзию

# Стихи Александра Коваленко

Гослитиздат выпустил книгу Александра Коваленко «Перед боем».

В эту книгу вошло и несколько стихотворений из его первого сборника. Так было, например, у Некрасова или у беллетристов-пародистов, в том случае, если автор не делал своего героя носителем проповедуемой им (автором) религиозно-философской идеи, каким сделал своего Платона Баратаева Толстой, в изображении крестьянина преобладал именно этот примитивизм. За редкими исключениями, образ крестьянина оказывался менее сложным и яким, чем образы представителей господствующих классов. В его характеристики чувствовалось преобладание взгляда со стороны. С особой ясностью это выступает, например, в творчестве Максима, написавшего о крестьянах целиальный ряд произведений. Там, где Максим изображает аристократов или буржуа, он анализирует их психологию, описывает их переживания. Там, где им изображаются труженики земли, он рисует их только в их внешних действиях, в их «первойбтной непосредственности», проявляя в подобном изображении людей огромное мастерство. Современные западные писатели, вроде реакционного Жана Жюло, хотя и стремятся к более глубокому раскрытию образа крестьянина, все же продолжают эту традицию и, более того, превращают эту традицию и, более того, превращают эту «первойбтную непосредственность» в зачем, в таком случае, писалось то или иное произведение, что заставило позади взять именно эту тему, работать над ней, отдавать ей время и силы.

Я отнюдь не склонен упрекать автора книги в отсутствии набившей оскомину некоторой «лирической взволнованности» и приподнятости, достигнутую которых необычайно легко каждому мало-мальски способному к версификации литератору. Коваленко недостает большего: не приподнятости, а высоты; не взволнованности и страсти, а неумолимого творческого беспокойства, яростной творческой неудовлетворенности, не робких поисков, а смелых открытий не просто честного отношения к теме, а смигдающей сердце любви.

Кстати, всего этого недостает и некоторым другим нашим поэтам. Переяко за стихами, претендующими на изображение крестьянина еще долгое время не только не выходили за пределы этого примитивизма, но получили еще большее развитие. Натуралистическое описание деревенской «экзотики», биологичности, примитивности чувства и мысли и пресловутых «чаво» и «нальи» не только заслоняли изображение интереснейших процессов, происходивших в советской деревне, но обнадели и притягивали людей деревни, их мысли и переживания. Справедливое и гневное выступление Горького против натуралистической «экзотики» героя Шолохова заставляет нас глубже вглядеться в этого человека, познать противоречие между его подлинным положением человека труда и его ложным положением в стане эксплуататоров.

Мы уже отмечали, что молодой Шолохов в какой-то мере тоже отдал дань этой натуралистической традиции, но современем преодолел ее. И сейчас вот в особенности после появления четвертой книги «Тихого Дона», становится особенно ясно, насколько роман Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера крестьянина, изображение которых поднятое им до той высоты, которая позволяет нам утверждать, что Шолоховым проплачена здесь почти такая же историческая и паскаль романа Шолохова противостоят этой традиции, как много сделано этим писателем для подлинного художественного воплощения жизни и характера кре

# ПЕРЕЧИТЫВАЯ КНИГИ

## Фельетоны Ильфа и Петрова

Собрание сочинений — редкость, почти неявляющееся явление в нашей литературной жизни. В годы национального права, таких как национальные, прославленные и много поработавшие авторами, собрания сочинений издавали кто попало, даже национальные. Известен случай, когда один литератор, склонив кое-как из своих первых опытов книгу, называл ее «Том первого». А в наши дни — другая крайность. Собрание сочинений современного уважаемого писателя кажется изнадельственным холмом неподъемным, и если еще недавно уместно было выступать против переназначений, то теперь следует пожаловаться на то, что лишая многих книги переназначения, изнадельство укорачивает их жизнь. Книга еще может долго жить и долго быть любимой, но она погрязла в умерла физической смертности задолго до своей смерти духовной.

И потому приятно увидеть исключение из общего и довольно грустного правила. Понятно убедиться в том, что «Советский писатель» выпускает четырехтомник Ильфа и Петрова. Радостно, например, увидеть у себя на столе третий том, в который включены рассказы, фельетоны и водевили, и убедиться, что время ничего не могло сделать с этой книгой. Мы любили ее тогда, и вот она снова вышла в свет новой ткани, и, читая ее, мы чувствуем, что любим ее и сейчас и что очень долго — неизвестно, до каких пор — захочется нам с ней распрошаться.

Я сперва перелистал книгу, и заголовки коротких, стремительных фельетонов напомнили мне о том времени, когда они были «злой лягушкой» и печатались в «Правде», в «Литературной газете», в «Советском искусстве» и «Броколиде». Мы хорошо помним: появление каждого фельетона было праздники. Они превосходно помогали нам бороться с нынешними, но цепкими и колючими, как татарин, бирократами, с попытками, с дельниками-машинистами, приспособленцами, холуями, кавалеристами, со всей той безвоздушной скованностью, которую мы времена отремонтировали проектировщиками в рамках новых, свежих, приветственных чистых и принципиальных людей революции, людей эпохи социализма.

Пока, перелистывая книгу, я подумал: «Вы хорошо послужили, старые, прекрасные фельетоны Ильфа и Петрова, на живы ли вы сейчас, не попал ли вы в общесть ветеранов отзвучавшей войны? А начав читать, я понял: «Увы, нет! Живы еще кое-где и могут наше жить «шкуры барабанные». Конечно, изменилась ситуация, и выводы из Располомов («Шкуры барабанные») безусловно намарали уйму фальшивых доносов, чтобы как-нибудь отстоять свое болотное благополучие, и к «Делу студента Свердловского» примазались не только кудаки, но и тайные враги советской власти, которые очень живо громились под архисоветских людей и всячески старались запутать судопроизводство. Потретному — да сих пор это не вывелось — попрежнему «броят по городу старухи», которые разбросают посты, усиленно вовлекающие людей искусствства в халтуру, и на эстраде нередко слышали ту же самую «полупустуховину» («Ты из ланды смотрела влево, где высился строительство гигров»). И те, кто в фельетоне «Рыбнодунье» отказались взять в машину роженицу, не желают сейчас выслушать честных, невинно оклеветанных людей. Не устроили — увы — слова из фельетона: «По своейтолстовской внешности и подозрительно повенчаным документам он — строитель синтезизма (хотя сейчас в фотографии!), а по внутренней сущности — мещанин, себялюбец и собственник».

Владимир Маяковский сказал о себе: «Я — асессоризатор водовоз, революционный мобилизованный и призванный!... Пожалуй, после Маяковского с наибольшим правом это мог сказать о себе честный, блестящий, воинствующий фельетонист, которого звали так сложно: И. Ильф и Е. Петров. После каждого фельетона в наименование действительно становилось чи-

гометрического центра, как равновесие нарушалось, и столик валился на атласную газету» («Горю — и не горю»).

Фраза Ильфа и Петрова — нарядная, но не шегольская. Она хорошо причесана и умна, из нее убраны все лишние слова, то есть повторения и все эти тяжеловесные связующие глаголы и местоимения, которых обычно склоняют легкую походку словосочетаний. Какие опасности подстерегали автора в то время, когда он писал фельетон «День в Афинах»? Вот они Афины и вот он Акрополь, который каждый видел с детских лет в своем воображении. Так и хочется сказать о вексах и свинцовых камнях; большинство наших литераторов, в сущности, так и делают. Однако вот как происходит знакомство с Акрополем у Ильфа и Петрова и вот какие отличные результатыает благородная сдержанность, которую выработал в себе этот тонкий и умный автор: «Что может быть дороже сердцу путешественника, чем первые минуты и часы, провеленные в стране, где до сих пор никогда не был и о которой еще ничего не знаешь? То есть знаешь из книг, что Акрополь стоит на возвышенном месте, но не знаешь, что эта возвышенность представляет собой раскаленную солнцем отвесную скалу, под которой глубоко вились лягушки, и что мраморы Парфенона — жгучие, обветренные, шероховатые, не белые и глянцевые, как думалось всегдас...»

«Здесь парил буфет, огромный лубковый буфет с зеркальными иллюминаторами, с остроконечными пилястрами-башенками, пилями, с барельефными изображениями битв души, виноградных гроздьев и листьев... Буфет походил на военный собор, какие обычно строили при калектских корпусах юнкерских училищ, и был разукрашен цветными птицами стеклами... На большом столе лежала парадная бахроматная скатерть с бомбонами по углам. Вокруг у бабушки все было с бомбонами. Драпировки с бомбонами, гардины — с бомбонами, пифы — с бомбонами. Эти разноцветные плюшевые шары приоткрыли котов в ярость. Они постоянно из подстерегали, хватали когтями и раскачивали. Стол был так же величественен и бесполезен, как буфет. За него никак нельзя было сесть. Колени постоянно стакливались с какими-то острыми дубовыми укреплениями... Был еще стол — малый бамбуковый — забытое сооружение, предназначенному для семейного альбома с толстой плюшевой крышикой и медными застежками величественной в складские засовы. Но достаточно было сунуть альбом холста в это место, чтобы немалая в это заслутила Ильфа и Петрова.

Много читал я в наши дни описаний Акрополя, был более подробные, но сперва из этих строк я узнал по-новому то, что мне было известно раньше. Одна превосходная деталь — не то воображаемая гора и не те мраморы — делает с наименем зрителем чудеса. Мы начинаем широким видеть за страницами книг, а это же есть ощущение художественности.

Как настоящий сатирик, автор умеет пользоваться приемом художественного преувеличения, он до того обессмысливает бесмысливое, что все ясно понимают: плюз с этим ни минуты моргнуть, надо сейчас же избавляться от этого уродства. Автор придумал замечательный «Уильям-Уден-Шипперт» («Веселящаяся единица»), и благодаря этому умному гротеску всем стали смешны бюрократические взгляды на все, распространенные среди многих наших культурнобюрократов. Себячас в буфете, с «человекоглагулиями» поклонно, есть просто гуашь, и когда смотришь, как им по-настоящему заняты и весело, думашь о том, что немалая в этом заслутила Ильфа и Петрова.

Я говорю все время об авторе «Ильф и Петров» в прошлом времени. Понятно, почему. Потому, что вначале были в нашей литературе два талантливых, но еще не вполне зрелых и органических автора. Одного звали Ильф Ильфом, другого — Евгением Петровым. Потом возник из их удивительно замкнутого содружества новый литератор, гармоничный, зрелый, органический. И этого нового автора звали И. Ильф и Е. Петров. Два года назад случилось несчастье — Ильф умер. А вместе с его смертью перестал существовать автор Ильф и Петров. Теперь в нашей литературе успешно работает новый автор — Евгений Петров.

И вот еще какие мысли приходят в голову, когда перечитываешь этот том, где собраны фельетоны и газетные отрывки: в то время как многие книги, писавшиеся с распектом на будущее и намеренно трактовавшие вопросы широкие, мировые, вечные, выглядят сейчас некоторо прокраинскими, старомодными, вот эти фельетоны, написанные для одного дня, уже прожили в пять и десять лет, и не найдены в них ни одного, траченого молью места. Если бы они не были написаны когда-то, их надо было написать сегодня.



К 1000-летнему юбилею «Давида Сасунского» готовится иллюстрированное издание великого армянского народного эпоса. На снимке: две иллюстрации художника Ашота Мамаджаняна из юбилейного издания «Давида Сасунского». Слева — «Клятва Давида перед своей невестой Хандут Хатун об уничтожении врагов ее отца»; справа — «Осада города Сасуни арабами».

Б. ЯКОВЛЕВ

## СТАРЫЙ СПОР

«...писать по-русски, а не по-вятауски, не по-балаконски».

А. М. ГОРЬКИЙ.

Два литератора спорили о языке. Один из собеседников опалился против нудного книжного жаргона и противопоставляя ему образное народное просторечие.

«Казак оседал лошадь как можно по-человечески, взял товарища своего, у которого не было верховой лошади, к себе на крупу и сложил за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть»...

Эту обыкновенную фразу сторонники народности предложили выразить иначе: «Казак седал утюрь, — со вкусом скомкал он редкостные, нечарившиеся словечки, — посадил безконного товарища на задбери и при спопутности на него узарить».

Такая лаконичность и такая выразительность нисколько не воодушевили второго собеседника. Он не без оснований заметил, что по рекомендованному способу можно говорить только с казаками и при том о близких им предметах.

Это справедливое замечание имеет социальную завесу. Спор начался еще в 1837 году между Далем и Жуковским. Прошло более ста лет, а спор все еще продолжается, и спорщики стороны почтительно аргументируют самым убедительным доказательством — книгою.

Одну из таких книг, спорных и талантливых, написал архангельский художник-писатель и фольклорист-сказитель Борис Шергин.

Многие страницы его книги, фигурально выражаясь, «оседланы утюрь» и, в полном соответствии с требованиями В. П. Даля, требуют от читателя «спопутности», без которой книгу, пожалуй, и не уразумеешь.

Весь же читатель — «дети постновых матерей берегов» Белого моря, берегов, где «люди наставились хоремами», и неслыханно им, сухопутникам, понять, как это «подочка доставки на креньях». Не сразу вообразят они и «взводень», что нарась с людьми пружит, или улицу, под которой «постстройками грунта не отгово», или полы «клевищенные», что начисто потягнут «мягким вехтем».

Б. Шергин — У песенных рек. Гослитиздат. Москва, 1939.

Впрочем, автор позабылся и о сухопутном читателе, испептив книгу теми самыми примечаниями, которые Бальзамиронически называли бульварными уколями, пронзающими воздушный шар беллетристы.

В книге Шергина около ста сносок и с их помощью нетрудно установить, что загадочная «вехоть» — это самая прозападская мочалка, «кулемка» — лонгушка, а «голбомень» — открытое море.

Открывает книгу вместо предисловия некий «Морской залыв». Предисловительный автор так предваряет читателя: «И еще приложу сказать: где буду нарисовано превалино и эвязливо или какову грубость согробы, и вы бы глядите на меня комом, глядите ростесью».

Нарочито деформированный, ультраархаический синтаксис усугубляет соответствующую лексику. Жуковский недаром спорил с Далем. Книга Шергина еще раз доказывает, что путь, намеченный великим лексикографом, — путь превращения художественной литературы в дополнительную разновидность областного слова.

Б. спасибо, Шергин и множеством образцов старого северного фольклора — потрясающую погоду. Жуковский недаром спорил с Далем. Книга Шергина еще раз доказывает, что путем заслуживающим внимания «поморское пословиц», энергичные «графмы мореплавателей» — песни промышленных грузовиков, побывавших на Грумантсе, как называли поморы Шпицберген.

Шергин соединяет в себе и собирателя и носителя фольклора. Замечательный артист-сказитель, он мастерски беседует со своими друзьями поморами. В самом творческом собеседовании в записях говорится: «У наших поморов слово родит, третья само бежит» — любит повторять Шергин. Это подтверждают читатели, у которых не было верховой лошади, к себе на крупу и сложил за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть»...

Шергин уже много лет слушает, «как народный народ и что говорит». Он сохранил в своих записях множество народных образных политических афоризмов.

«Промеса Маркса ученым и Ленина ученым никто не предоронил» — метко говорят на Севере. «Слово сказано, как погода на Севере, — точно определяют поморы станичного стиля.

Избы фольклорных записей Шергина, потрясающих своим колоритом, — это погоды, которые он записал поморами Шпицберген.

Записи, публикующие Шергина, показывают, какие неожиданные и неисчерпаемые поэтические запасы берегов жили народной речью. Вдохновенные приключения в книге забытые приключениями поморов — «зубон», и запись поморской «байки».

Шергин уже много лет слушает, «как народный народ и что говорит». Он сохранил в своих записях множество народных образных политических афоризмов.

«Пространство — это не было, но было миром, на котором ходили, по болотам, по морским дорогам». Он с полным правом уподобляет себя золотым дарам мастеру, который из самонаветов мелких и крупных мастерит иконы.

У Шергина десятки собеседников-поморов. Их образное живое слово он выслушал и сберег. Среди них — люди всех северных «песенных рек». Особенно самоизданные многочисленные рассказы старой писательницы Соломонины Ивановны Черной, настоящей художницы северной разговорной речи — «пародного поэтического краснопесенника», по своеобразной терминологии Шергина.

Записи, публикующие Шергина, показывают, какие неожиданные и неисчерпаемые поэтические запасы берегов жили народной речью. Вдохновенные приключения в книге забытые приключениями поморов — «зубон», и запись поморской «байки».

Шергин уже много лет слушает, «как народный народ и что говорит». Он сохранил в своих записях множество народных образных политических афоризмов.

«Промеса Маркса ученым и Ленина ученым никто не предоронил» — метко говорят на Севере. «Слово сказано, как погода на Севере, — точно определяют поморы станичного стиля.

Для подавляющего большинства молодых писателей главным в их литературных начинаниях является сюжетная скамья, в крайнем случае так называемый «образ», метафора, «аэфтия» концовка рассказа, взятые сами по себе, но отнюдь не мысли, заложенные в нем, его содержание. Все это обнадеживает молодую литературу.

До сих пор русские секции республиканских союзов были беспризорными в организационном отношении. Областные комиссии СССР не работали с ними никак, национальные комиссии, как мы уже сказали выше, ни разу даже не ставили вопроса о их работе.

Нам кажется необходимым глубокое критическое изучение того, что делают русские писатели в национальных республиканских союзах, те самые молодые писательские кадры, о которых идет речь в последнем постановлении ЦК ВЛКСМ и президиуме СССР.

Необходимо самое серьезное внимание к тем со стороны центральных комитетов комсомола республиканских союзов. Очевидно также, что национальные комиссии союза писателей должны будут создавать совещание русских секций при союзе, подготовить юбилейные редакции русских журналов и потом уже серьезно решить весь комплекс вопросов, связанных с тем, что у нас оказалось беспризорной значительной частью молодой советской литературы.

Б. ЕМЕЛЬЯНОВ

## ДВА ЖУРНАЛА ДВУХ РЕСПУБЛИК

При республиканских союзах писателей почти всюду работают так называемые русские секции. Они обединяют русскую литературную молодежь и почти в каждой из них есть свой литературно-художественный толстый журнал.

Сразу же необходимо отметить два странных положения.

а) В течение многих лет отчаянно о работе русских секций не заслушивались ни правлением, ни президиумом, ни даже бюро национальных комиссий СССР СССР,

б) ни разу критические обзоры русских журналов национальных республиканских союзов не появлялись на страницах печати.

Республиканский литературно-художественный журнал не нуждается в скрипке. Ни в Москве, ни в Казахстане. Русские литераторы работают там в обществе бессстрастного, презрительного молчания критики. Это молчание, столь осуждаемое ЦК КП(б) Казахстана в его последнем постановлении о художественной литературе, бесспорно проявляется отдельными товарищами. Иначе откуда бы взялось и зачем бы продолжалась молчание языка, мысли, знания предмета.

Но о казахстанских писателях критики пишут. Ни в Москве, ни в Казахстане.

# Юбилей украинских классиков

## ПИСЬМО ИЗ КИЕВА

В этом году литературная общественность Украины отмечает три знаменательные даты — юбилеи трех выдающихся украинских писателей-классиков.

11 сентября исполняется 75-летие со дня рождения одного из лучших продолжателей шевченковских традиций, виднейшего украинского поэта, революционера-демократа Павла Арсеньевича Грабовского, умершего в ссылке в 1902 году. Литературное наследие Грабовского, содержащее немало образцов страстной обличительной политической поэзии, насыщеное подлинным гражданским духом интернационализма, верой в могучую силу народа, в его победу, всячески замалчивалась и фальсифицировалась украинскими буржуазными националистами, руководившими на фронте украинского литературоведения. Еще и до сих пор полностью не открыта, не собрана вся литературная продукция этого замечательного поэта, прошедшего почти половину своей жизни в парижских тюрьмах и ссылке.

Громадный интерес представляет не только поэзия Грабовского, близкая по духу боевой гражданской поэзии Некрасова, но и огромная и многогранная его работа как переводчика. Достаточно сказать, что Грабовский переведены на украинский язык стихотворения более чем 60 авторов, среди которых имена Некрасова, Сурикова, Чавчавадзе, Петрефи, Гейне, Т. Гуда, Р. Броунинга, Рожкера, Симля-Проклова, Ф. Купера, Лонгфелло, Р. Соути, Теннисона и других.

Большую ценность представляют критические и публицистические статьи Грабовского, напечатанные им в свое время в львовских изданиях и в сибирских газетах («Сибирский листок», «Восточное обозрение» и др.).

Особо следует отметить статью Грабовского о Н. Г. Чернышевском. Она содержит много новых материалов воспоминаний людей, живших вместе с Чернышевским в Вильнюсе, где отыскал ссылку и сам Грабовский. Интересна его статья о Пушкине и Шевченко, а также статьи, в которых Грабовский излагает и развивает свою эстетическую мысль. Эти статьи еще не собраны и неизвестны советскому читателю.

Основание богатого и разнообразного наследства Грабовского фактически является только теперь. И вполне понятно и закономерно тот огромный интерес к нему, которым отмечена подготовительная работа к 75-летию со дня рождения великого поэта.

Юбилейная комиссия, созданная президентом союза советских писателей Украины, уже связалась с местными организациями тех городов, где родился, жил и умер Грабовский. На днях в Тобольске, где похоронен Грабовский, выезжает группа украинских писателей для проведения там большого литературного вечера и сбора материалов и воспоминаний о юбиляре.

В Государственном литературном издательстве Украины будет выпущен биографический очерк о Грабовском, написанный молодым украинским литератором А. Киселевым. Книга содержит много новых материалов и неопубликованных документов.

Институт украинской литературы УААН Т. Г. Шевченко Академии наук УССР подготовил к печати сборник неопубликованных писем Грабовского. Письма относятся к последним годам жизни поэта в ссылке (1895—1902).

Творчество Грабовского еще мало популярно. Очень мало знает его в братских республиках. Государственному литературному издательству в Москве необходимо было бы издать однотомник избранных произведений поэта, готовится серия докладов о его литературной и философской деятельности, которые будут зачитаны на совместном юбилейном заседании Академии наук УССР и правления союза советских писателей Украины.

Ряд очень важных вопросов, касающихся деятельности Сквороды, совсем еще не освещен или освещен неправильно. Так, например, следует поставить вопрос о связи наследства украинского поэта-философа с русской культурой, с украинским народным творчеством. Эти проблемы в украинском литературоведении должны быть частично заполнены в процессе подготовительной работы к юбилею Сквороды.

Три юбилея выдающихся украинских классиков будут отмечены в этом году как большие праздники украинской советской культуры.

А. КАЦНЕЛЬСОН

## Выставка конкурсных проектов

Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР открывает в ближайшее время в музее А. М. Горького выставку конкурсных проектов нового памятника великому русскому писателю Н. В. Гоголю, который намечено соорудить в Москве на реконструированной площади у Киевского вокзала.

Совсем плохо готовятся к юбилею украинское издательство «Мистецтво», не удо-

вительно, что в Киеве не организовано мероприятие, посвященное Гоголю.

Арабская тирания сеяла ненависть и раздорение, война сопровождалась обильными кровопролитиями, истреблением народа, всеобщим ожесточением.

Арабский халиф Мелик из Мсыра, узнав о разгроме отряда, посланного им в Сасун, собирается в поход:

— Разгромлен Сасун, на Сасун пойду! Их воду, землю, народ — в полон возьму!

Их город разрушу, их за Мсыр угоню, Новый град возведу.

Чтобы имени «Сасун» не слыхал мир!

Богатырь была жестокой, злой. Но спешной была бы попытка отыскать в сасунских героях слезы, казалось, неизбежных в ту же самую эпоху низких чувств и забвения человечности.

Это решает вопрос об истоках величай-



Первый московский колхозный художественный театр показал спектакль «Горькая судьбина». А. Писемского. Режиссер спектакля А. Смирнов. На снимке: артистка В. Сергеева в роли Лизаветы и артист И. Гудков в роли Анани.

## Новые постановки ленинградских театров

Сезон в ленинградских театрах уже начинается.

Что покажут театры в этом году?

Наиболее разнообразен репертуарный план театра «Комедия». Театр преподает в этом году поставить комедию И. Вирты «Безумные или Антона Ивановича», «Красную площадь» Л. Славина, фантастическую комедию Е. Шварца «Тень», комедию братьев Тур «Нервный брак». Из классики — пьесу одного из крупнейших драматургов XVIII века Аларона «Сомнительная правда», в новом переводе Лозинского. Кроме того, театр готовит вечер небольших пьес И. С. Тургенева, куда войдет: «Завтрак у председителя», «Нахлебники», «Привинциалка», «Где тонко, там и рвется».

В театре имени Ленинградского совета появят пьесы: Сергея Герасимова — «Учителя» (постановка автора), новая пьеса В. Камерина «Актеры», «Любовь Яровая» К. Тренева. Театр покажет также «Птицу колонии» Хемингуэя. Шекспир представлен в будущем сезоне «Антония и Клеопатрой». Преподлагается также поставить «Беспрядницу» Островского.

\* \* \*

Началась подготовка к 145-й годовщине со дня смерти известного украинского поэта, философа Григория Савича Сквороды (род. в 1722), исполняющейся 9 ноября этого года.

Намечено издание избранных произведений поэта, готовится серия докладов о его литературной и философской деятельности, которые будут зачитаны на совместном юбилейном заседании Академии наук УССР и правления союза советских писателей Украины.

Обособенную работу проявляли строители актеров театра: для них устроены не только горячие души в каждом этаже, но и в каждую актерскую уборную поставлена горячая и холодная вода.

Первый сезон в новом помещении театра имени Ленинградского комсомола открывает «Заговором» И. Вирты. Вторая постановка — «Броненосец» Вс. Иванова. В дальнейшем репертуаре: «Егор Бульчев» Горького, «Таня» Абрзузова, «Кремлевские куранты» Н. Погодина, «Студент» Чиккина в комедии Островского «На всяком мудреца голова породит».

В репертуарном плане театра Музкальной комедии — новые оперетты: «Дорога к счастью», «Солдатская женка», «Свиридов» — «Настоящий женик» и «Пейсина — Моряки».

С будущего года Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества начнет проводить «академию лучших спектаклей» (с 5 по 15 января). Будут премироваться 10 лучших спектаклей сезона, лучшие репертуары, композиторы, художники, лучшие исполнители и авторы лучших рецензий о спектаклях.

А. ДОРОХОВ

## Спектакли в колхозах

Центральный дом работников искусств можно включить в число павильонов Всеукраинской сельскохозяйственной выставки. С 15 августа в нем демонстрируются одно из значительных достижений новой социалистической деревни. Здесь экспонируются искусство.

Всесоюзный фестиваль колхозных театров в разгаре. Пять театров уже сыграли свои спектакли. Московская область, Харьковская, Одеськая, Горьковская, Саратовская показали свои лучшие театры. На очереди Белорусский, Татария, Армения, — почти все республики СССР представлена на фестивале.

По окончании фестиваля, на конференции, которую предполагают создать Всеукраинский комитет по делам искусств, будут, очевидно, подвергнуты тщательному разбору спектакли фестиваля и обсуждена работа колхозных театров. Одна из наиболее острых вопросов в повестке дня конференции — репертуар.

На заседании жюри областного смотра московских колхозных театров, проплывавшего всесоюзному фестивалю, обсуждались спектакли театра им. Маяковского. Это была «Эмилия Галотти» Лессинга.

Один из членов жюри, режиссер Волконский, сказал:

— Я дожил до седых волос, повидал многих актеров с мирным именем, десятки юбилейных спектаклей, сотни бенефисов, но вот «Эмилию Галотти» мне впервые довелось увидеть на сцене колхозного театра. Лессинг, о котором я знал всегда жизнь, что он является замечательным теоретиком театра и драматургом, стал для меня живым и осозаемым только сейчас, когда я увидел его пьесу на этой сцене. И пусть театр располагает скромными актерскими силами, пусть поставленные возможности его невелики, — я с волнением смотрю спектакль и от всей души благодарю театр за его смелость, вызов, который он бросил старейшим столичным театрам, забывшим Лессинга-драматурга.

Эпизод, рассказанний выше, заслуживает внимания, потому что он в какой-то степени типичен. «Васса Железнова» Горького долгое время считалась почему-то несчастливой и, только после того, как пьесу эту сыграли один из ленинградских колхозных театров, она заняла значительное место в репертуаре столичных и периферийных театров. «Овечий источник» Дениса Дега не шел со времен Мархинини, но, ставшему московскому колхозному театру пригласить режиссеров О. Пыжова и Б. Библиева для этой постановки, как через некоторое время, увеселившись пьесой, они вновь осуществили ее, на этот раз на сцене московского Театра Революции.

И, наконец, «Горькая судьбина» Писемского в Первом московском колхозном художественном театре. История этой пьесы сложилась несчастливо, — уже много лет она незаслуженно забыта. Трагедия оброчного крестьянина Анания, человека недолжного ума и способностей, и его жены Лизаветы — материала, интересного для зрителя и благодарнейшего для актера. А между тем независимо разыграно Малый оперный театр. Здесь реальные лишь новая опера И. Дзержинского «Волочаевские дни» и постановка «Червячек» Чайковского. Театр ставит также очередной балет Асафьева на sujet лермонтовской «Анчики-Кириба». Из классического наследия театр не ставит ничего, кроме тех же «Кармен» и «Риголетто», которые снова возобновляются в «новой» режиссерской редакции. Что же касается «Любови Яровой» Энке, «Угром-реки» Фрэнкеля и «Поленки» Соловьева-Седого, то и она из этих опер еще не заключена, и неизвестно, будет ли закончена.

Театр оперы и балета им. Кирова своим первой новой постановкой намерен спектакль «Горькая судьбина» по причине «カリгиности» пьесы. Местные «социологи» обрадовали зрителей «Солдатской женкой» и «Настоящим женщиком» на сцене жестокую действительность крестьянской жизни.

Первый колхозный художественный театр, поставивший «Горькую судьбину», привлек внимание театральной общественности к этой пьесе. В большинстве пьес эти на русский язык не переведены.

Всесоюзный комитет по делам искусств занимается вопросами репертуара колхозных театров, передав полностью это дело местным управлениям по делам искусств. Быть может, поэтому во многих колхозных театрах репертуар составлен случайно, непроумышленно.

В СССР несколько сот колхозных театров. Их аудитория — миллионы зрителей. Такая огромная культурная сила должна пропагандировать настоящее искусство, лучшие произведения мировой драматургии.

Всесоюзный комитет по делам искусств должен уделять внимание вопросам репертуара колхозных театров, в первую очередь привлекая советских авторов к созданию новых пьес и организуя переводы современных пьес, русской и мировой классики.

Б. КРЕМНЕВ

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено 10 конкурсных проектов. Среди их авторов — заслуженный деятель искусств М. Г. Манизер, Г. И. Мотовилов, А. А. Мануйлов, В. Б. Пинчук, З. М. Виленский и др.

На выставке будет представлено

## «ДАВИД САСУНСКИЙ» НА ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В Грузии усиленно развернулась подготовка к тысячелетию армянского языка — «Давид Сасунский». Издательство союза советских писателей Грузии «Федерация» выпускает поэму на грузинском языке в переводе двенадцати лучших советских поэтов Грузии. Книга снабжена большой исследовательской работой грузинского литератора П. Ингуркова, в которой освещены проблемы культурных взаимоотношений грузинского и армянского народов и в частности взаимоотношение «Давида Сасунского» с грузинским народным эпосом и с традициями древней грузинской литературы.

Летиздат Грузии готовит к печати обработанный Лортиканлизе сокращенный вариант поэмы и выпускает сборник статей об эпосе. Большой юбилейный сборник издает также Тбилисский государственный университет имени товарища Сталина.

В грузинской литературной газете и литературно-художественных журналах систематически печатаются отрывки поэмы и статьи об армянском эпосе. Сентябрьские номера всех литературно-художественных изданий посвящаются «Давиду Сасунскому».

В Тбилиси и в районах республики, на предприятиях, в учреждениях, в колхозах проводятся лекции, лекции и вечера, посвященные языку армянского эпоса.

На днях в клубе писателей состоялся вечер читки перевода «Давида Сасунского» на грузинский язык. Зал был переполнен писателями, деятелями искусства, научными работниками. Вечер открыл отв. секретарь ССПС поэт Алио Машавили.

— Мы, советские поэты Грузии, — говорят тов. Машавили, — с чувством большой ответственности и настоящей творческой радости работали над первым гениальным армянским эпосом, созидающим, что этой работой мы вносим ценный вклад в великое дело братского содружества грузинского и армянского народов.

С чтением отрывков из поэм на грузинском языке выступили поэты: Алио Машавили, Сандро Эули, Симон Чиковани, Рафаэл Геватзас, Ило Машавили, Константин Лортиканлизе, Карло Каладзе.

В прениях по обсуждению качества перевода выступили писатели Константин Гамсахурдия, Бесо Жегети, Сурен Авчян и другие. Они единогласно отмечали огромную работу, проделанную грузинскими поэтами, высокое поэтическое качество перевода.

Поэма переведена рифмованным языком стихотворным стихом.

## ЮБИЛЕЙНОЕ РУССКОЕ ИЗДАНИЕ «ДАВИДА САСУНСКОГО»

К пленуму правления союза советских писателей в Ереване издательство «Художественная литература» выпускает русское юбилейное издание «Давида Сасунского». Издание это заключает сводный текст эпоса в переводе поэтов: В. Дарьянина, А. Коцекова, К. Линскерова и С. Шервинского.

Редактор книги — академик И. Орбели пишет в своей вступительной статье:

«Все четыре поэта, давшие в стихотворной форме переложение предоставленного нам подстраницы, стремились сохранить возможную большую близость к ритму речи поэта и возможно большую близость к подлиннику в передаче его содержания.

В этом бесспорная заслуга В. В. Дарьянина, А. С. Коцекова, К. А. Линскерова и С. В. Шервинского. Но все же и этот художественный перевод хочется рассматривать как первый этап многогранной работы над первым переводом эпоса «Давид Сасунский» на русский язык.

Книга иллюстрирована армянским художником Б. А. Месропяном.

## КНИГИ К ЮБИЛЕЮ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Саратовское областное издательство в скором времени выпускает книгу доктора филологических наук профессора А. П. Скафтыкова «Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского».

В печати — сборник, составленный Н. А. Алексеевым, — «Процесс Чернышевского». Это — первое полное издание всех документов, относящихся к судебному процессу над Николаем Гавриловичем Чернышевским. Предисловие написано членом-корреспондентом Академии наук профессором А. М. Панкратовой.

В ближайшее время выйдет из печати и другой большой сборник — «Н. Г. Чернышевский». В него вошли статьи научных работников саратовских институтов о различных сторонах деятельности Чернышевского. Одновременно с этим сборником выйдет воспоминания современников великого саратовца — «Чернышевский в Саратове».

## ВЕЧЕР ПАРОДИИ

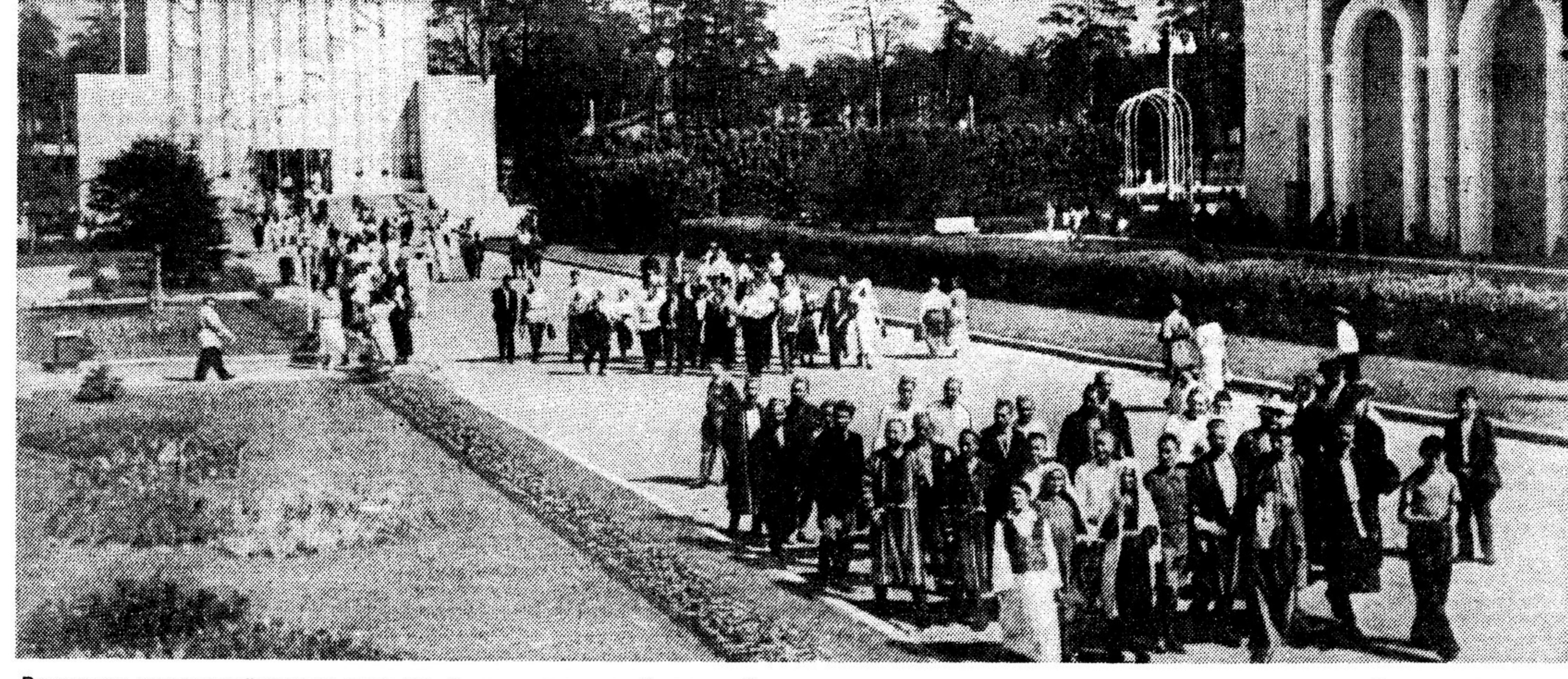
21 августа в помещении культбазы Центрального парка культуры и отдыха им. Горького состоялся вечер сатиры, пародии и эпиграммы.

Пoэты читали преимущественно свои литературные пародии. Особенным успехом пользовались пародии и новыи фельетон А. Раскила и М. Слободского в переработанные пародии С. Васильева. Вечер закончил А. Безыменский чтением своих эпиграмм на наиболее известных советских писателей и поэтов.

Выступал также поэт С. Швецов.

## Литературная газета

6 № 47



Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Слева — павильон «Советская Арктика».

Фото М. Макарова.

## ПО СТРАНИЦАМ ЖУРНАЛОВ

### ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

Седьмая книга журнала «Литературный критик» открывается большой статьей Г. Лукача «Художник и критик». Значительное место в статье Г. Лукача занимает анализ характера критических выставок великих писателей, критиков и мыслителей прошлого.

Статья А. Розкина «Заметки о реализме Чехова» и А. Эйдес «Письма Александра Чехова Антону Чехову» печатаются в этом номере в связи с 35-летием со дня смерти писателя. В журнале впервые публикуются два его письма, адресованные в сестре Марии Павловне (1899 г., Ялта) и к старшему брату Александру Павловичу (1888 г., Москва).

Большой интерес представляет исследование Ю. Юзовского о пьесе М. Горького «На дне».

Содержание отдела критики составляют статьи: Ф. Левина — «Брат океана» (о книге А. Кожевникова), Н. Четуновой — «Новые люди — новые книги», А. Гагозина — «Сказка», С. Светлова и В. Александрова — «О поэме Н. Асеева и профессиональном разговоре», полемизирующая со статьей С. Кирсанова «Разговор о безвкусии», напечатанной в «Комсомольской правде».

Среди других материалов печатаются статьи: Г. Агасова «Армянские ашуги» и Б. Иванова «Хрестоматия по древней русской литературе».

В конце номера помещен отдел пародий, носивший новое название «Без догматов». Ежемесячный журнал истинно литературной теории, критики, истории и технологий литературы. Под редакцией Б. Б. Симонова-Пиццика. № 1. Июль 1939 г. В этом своеобразном «журнале» есть разделы: «Теория и история литературы», «Критика», «По страницам журналов и книг», «Творческие дискуссии», «Творческие новинки», «Письма в редакцию».

### ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

В скромном времени выходят в свет №№ 14 и 15 журнала «Литературное обозрение».

В № 14 наибольший интерес представляют статьи: И. Вермана — о романе Михаила Левидова «Путешествия Джонсона Свифта», А. Сомова — о книге стихов А. Твардовского «Сельская хроника». А. Егеньева — «Стихотворения Иппонектии Анненского», И. Бейлина — «Французская революция и мировая литература» (к 150-летию Французской буржуазной революции).

Среди рецензируемых произведений в № 15 журнала «Литературное обозрение» — рассказы Л. Соловьева (автор статьи А. Дроздов), автобиографический роман С. Савицкого «Полынь» (автор А. Кукарин), «Мать» К. Чапека (автор Я. Фрид) и «Дество» Поля Вайна-Кутюрье (автор Ш. Эльвин).

## ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА

### РАЗГОВОР О «ПАРХОМЕНКО»

17 августа лекторий Центрального парка культуры и отдыха им. Горького был непривычен. Для разговора с Евсеволодом Ивановым о его новом романе «Пархоменко» пришли сотни читателей.

Отрывки из романа прочли автор и Т. В. Иванова. С коротким словом о творчестве писателя выступил В. Шкловский.

— Для чего устраиваются у нас такие встречи — автора книги и его читателей? — говорит он. — В старину считалось, что большой писатель не должен быть понят современниками, ибо он ушел от них вперед на столетие, ибо он родился на протореях современного ему общества. У нас — современник родственен писателю по духу, и потому так настоятельно требуется о личном общении писателя и читателя.

Евсевод Иванов обладает одним из замечательнейших качеств писателя, — сказал В. Шкловский, — опущением нового, того, что жизнь движется, изменяется. Мир. О людях и о времени нужно писать, помня о движении.

Всеволод Иванов помнит один из первых по поводу романа. Миша Гофенинфер из «Похождения фокира», — сказал он. — И в той книге на каждой ее странице чувствовалась уверенная рука мастера. Книга была прочитана, но не вызвала восторженного к ней отношения. Это было талантливо, но вычурно и претенциозно.

— Наши «Пархоменко». Роман о вояжах и народе написан для народа простым и ясным языком.

Недавно я читал в «Литературной газете» статью тов. Гофенинфера об этом романе. Мне кажется, что критик излишне придирчив. Если можно еще говорить, что фигура Штраупа является каким-то авантюристом довеском к простоте и ясности книги, то узник нельзя сказать, что в «Пархоменко» сохранен тот же круг образов и ощущений, что и в «Похождении фокира».

— Я не замечал этого. Вс. Иванов написал новую и необычную для него книгу.

С положительными отзывами о новом романе Вс. Иванова выступила еще одна тов. Твардовская. В заключение автор рассказал собравшимся о том, как он работал над «Пархоменко».

## ПИСАТЕЛИ В ИЗМАЙЛОВСКОМ ПАРКЕ

На вечер, посвященный оборонной позиции Г. Агасова «Армянские ашуги» и Б. Иванова «Хрестоматия по древней русской литературе».

В конце номера помещен отдел пародий, носивший новое название «Без догматов». Ежемесячный журнал истинно литературной теории, критики, истории и технологий литературы. Под редакцией Б. Б. Симонова-Пиццика. № 1. Июль 1939 г. В этом своеобразном «журнале» есть разделы: «Теория и история литературы», «Критика», «По страницам журналов и книг», «Творческие дискуссии», «Творческие новинки», «Письма в редакцию».

Показать образы простых людей, хорошо и просто живущих в нашей стране; раскрыть органическую связь их скромной, трудовой жизни с подвигами и созидающими героями, которые им служат примером в моменты опасности, угрожающей любой родине, — такова задача нашего писателя.

Я не замечал этого. Вс. Иванов написал новую и необычную для него книгу.

С положительными отзывами о новом романе Вс. Иванова выступила еще одна тов. Твардовская. В заключение автор рассказал собравшимся о том, как он работал над «Пархоменко».

В настоящее время писатель заканчивает пьесу и киносценарий «В поисках радости» и приступил к обширному материям для романа, посвященного строительству «Большой Волги».

Теплота, с которой были встречены выступления поэтов, линий разделяет внимание читателей к оборонной литературе.

### ВСТРЕЧА С Ф. ПАНФЕРОВЫМ

19 августа в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького состоялась встреча Ф. Панфёрова с читателями.

Ф. Панфёров говорил о новом человеке советской страны, о нашей культуре человеческих отношений, неведомой капиталистическому обществу.

В своем интересном выступлении Ф. Панфёров говорил о новом человеке советской страны, о нашей культуре человеческих отношений, неведомой капиталистическому обществу.

Аудитория засыпала Ф. Панфёрова вопросами, в которых был проявлен живой интерес к литературе и к труду писателя. Отвечая на эти вопросы, Ф. Панфёров подробно рассказал о своем творческом

путешествии в литературу и о последних работах.

На вопрос о литературных влияниях, которым он подвергался, Ф. Панфёров указал, что творческим образом в начале его литературной деятельности послужила его материальная обстановка.

Стихи, посвященные родине и тов. Сталину, читал Д. Алтузашвили. В заключение А. Сурков прочитал три «Песни».

Приглашенные писатели, журналисты, работники культуры, писатели с большим интересом прослушали пьесу и приветствовали Ф. Панфёрова.

Выступлению Ф. Панфёрова предшествовал доклад С. Кирьянова о его творчестве.

Всего в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького состоялось более 100 встреч с писателями и писательницами.

На концертной площадке Центрального парка культуры и отдыха им. А. М. Горького состоялся концерт, посвященный 50-летию Ф. Панфёрова.

На концерте выступили писатели и писательницы, члены Союза писателей СССР.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панфёров выступил с выступлением на концерте, посвященном 50-летию Ф. Панфёрова.

Ф. Панф